

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/323-337

Научная статья

© Е. В. Новосёлова

АНДСКИЕ ГАДАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ИНКСКОЕ И РАННЕКОЛОНИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

В статье андские гадательные практики рассматриваются в широком культурном и религиозном контексте. Хронологические рамки работы определяются особенностями источниковой базы. Историография проблемы представлена преимущественно работами, посвященным оракулам, прочие же гадательные практики изучались почти исключительно в рамках общего анализа религиозных верований соответствующего периода. На основе ряда письменных источников (хроник, реляций, трактатов, документальных свидетельств, в том числе неопубликованных) автор анализирует основные виды гаданий инкского и раннеколониального времени — клеромантию, онейромантию, гаруспицию, астрологию, оракулов. Существовали и некоторые другие формы гаданий, но о них источники сообщают значительно реже. Таким образом, в Андах практиковались типы гаданий, распространенные во многих других культурах, хотя и с некоторыми особенностями. Очевидно, что все андские гадательные практики имели как «государственное», так и «локальное» измерения, но некоторые виды гаданий более тяготели к одному из этих полюсов. В первую очередь это относится к гаруспициям, а также, вероятно, к астрологии, которые практиковались в большей степени на государственном уровне: эти практики требовали соответствующих затрат, оборудования и специальных знаний. В свою очередь клеромантия, онейромантия и оракулы легко применялись и в рамках «народной» религии, продолжая активно практиковаться и в раннеколониальную эпоху, когда инкская государственная религия прекратила свое существование. Кроме того, очевидна тесная связь андских гаданий с жертвоприношениями и культом уак. Таким образом, можно говорить о тесной связи андских гаданий с прочими аспектами местной религии.

Ключевые слова: инки, Андская цивилизация, гадания, оракулы, идолопоклонство, христианизация

Ссылка при цитировании: Новосёлова Е. В. Андские гадательные практики в инкское и раннеколониальное время // Вестник антропологии. 2026. № 3. С. 323–337.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/323-337

Original article

© Elena Novoselova

ANDEAN PRACTICES OF DIVINATION IN THE INCA AND EARLY COLONIAL TIMES

This article explores Andean fortune-telling practices within a broad cultural and religious context. The historical scope of the study is determined by the characteristics of the available sources. Historiographical works on the subject are mainly focused on oracles, while other forms of divination have been studied almost exclusively as part of a broader analysis of religious beliefs of the corresponding period. Based on a range of written sources, including chronicles, reports, treatises, and documentary evidence (including unpublished materials), the author analyses the main types of divination in the Inca and early colonial times, such as cleromancy, oneiromancy, haruspicy, astrology, and oracles. Other forms of divination were also practised, but sources record them less frequently. Therefore, the types of divination in the Andes shared similarities with those found in other cultures, albeit with some distinctive features. Obviously, all Andean fortune-tellings have both “state” and “local” dimensions. However, some types of divination tend more towards one of these poles. For example, haruspices and astrology were more prevalent at the state level, as they required appropriate costs, equipment, and special knowledge. On the other hand, cleromancy, oneiromancy, and oracles can easily be practiced within the local religion and continued to exist in the early colonial era when the Inca state religion ceased to exist. Additionally, the close connection between Andean divination, sacrifice, and the cult of huacas is evident. Therefore, we can conclude that Andean fortune-telling is closely linked to other aspects of the religion.

Keywords: Incas, Andean civilization, divination, oracles, idolatry, Christianization

Author Info: Novoselova, Elena V. — Ph.D. in History, Associate Professor, Foreign Languages Department, Institute of Radio Electronics and Informatics, MIREA — Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenanovoselova@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8593-8572>

For citation: Novoselova, E. V. 2026. Andean Practices of Divination in the Inca and Early Colonial Times. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 323–337.

Разнообразные гадательные практики составляют важный пласт мировоззрения как традиционных, так и современных обществ. Однако в первом случае эти практики являются составной частью не только «низовой», но и официальной культуры, при этом они тесно связаны с прочими сферами жизни (политической, социальной, правовой и т. п.) (Lambert, Olivier 2019: 9).

Не является исключением и Андская цивилизация. Гадания неоднократно упоминаются в письменных источниках, посвященных Андам, что свидетельствует об их значимости. Большинство упоминаний относится к инкскому и раннеколониальному времени, поэтому в рамках настоящей статьи мы сосредоточимся именно на этом хронологическом отрезке. Конечно, конкиста является важнейшим рубежом, после

которого все стороны жизни местных обществ подверглись кардинальным изменениям. Однако нет сомнений, что в области мировоззрения между инкским и ранне-колониальным периодом наблюдается непосредственная преемственность.

Источники, которые раскрывают особенности гадательных практик, в целом те же самые, что и по прочим аспектам религии и мировоззрения соответствующего периода: колониальные хроники, реляции, трактаты и материалы процессов по искоренению идолопоклонства (в том числе неопубликованные, подробнее об этом типе источников см. (Новосёлова 2023)). При этом основные сложности изучения гаданий заключаются в отсутствии аутентичного нарратива (большинство источников написаны испанцами, а не самими носителями андской культуры), а также в том обстоятельстве, что разные источники отражают различные пласты гадательной практики («государственный» и «низовой»).

Проблематику андских гаданий нельзя назвать малоисследованной темой, однако существует явный перекося в сторону изучения оракулов. Из существующих работ в первую очередь нужно назвать коллективную монографию «Гадания и оракулы в древнем андском мире», которая вопреки названию посвящена исключительно оракулам. Данная монография суммирует основные достижения исследователей в этой сфере (Curatola Petrocchi 2008; Topic 2008; Astuhuamán Gonzáles 2008; Ziolkowski 2008; Spalding 2008). Отметим также ряд других работ, авторы которых внесли значительный вклад в изучение проблематики (Gose 1996; Rostworowski 2003; Curatola Petrocchi 2013, 2016; Lumbreras Salcedo 2017; Topic Lange, Melly Cava 2020; Sobczyk 2022). Прочие же виды гаданий исследуются значительно меньше и чаще всего в общем контексте верований соответствующего периода (Huertas Vallejos 1981; Curatola Petrocchi 2001; Mills 1997; Meconi 1999; Brosseder 2014). Однако рассмотрение всего комплекса соответствующих практик и верований необходимо для получения цельной картины андского мировоззрения.

В первую очередь следует отметить тесную связь гаданий с прочими магико-религиозными практиками: целительством, поклонением уакам¹ и т. д., причем зачастую всем этим занимались одни и те же люди (Brosseder 2014: 177). При этом государственный аспект гадательных практик показывает высокую степень институционализации, наличие специализированных исполнителей и разработанного церемониала (Molina 2010: 44–46; Пома де Айяла 2011: 178–184). В качестве рабочей гипотезы выдвигаем предположение, что основные виды андских гаданий находят непосредственные параллели в культурах Старого Света, отражая универсальное для человека стремление узнать будущее. При этом необходимо уточнить, какова была местная специфика соответствующих практик.

Остановимся также на общем мировоззренческом и религиозном контексте, в который вписаны упоминания об андских гаданиях. Большая часть этих упоминаний принадлежит выходцам из церковной среды, представители которой относились к подобным практикам с неприкрытой враждебностью. Например, Хосе де Акоста писал о «бесконечности огромного множества этих гадателей, колдунов, чародеев, предсказателей и прочих тысячах разновидностей ложных пророков» (Acosta 1894:

¹ Понятие уаки (huaca/guaca) является, возможно, центральным для традиционного андского мировоззрения. С известной долей условности можно сказать, что уакой в рамках этой системы называется любой объект почитания. Этой теме посвящена обширная литература, подробнее о понятии см. Curatola 2016: 260–272.

107). Клирики осуждали как обрядовую (использование крови, жира и т. п.), так и мировоззренческую основу гаданий, видя в них олицетворение глупых суеверий и вредных заблуждений. Впрочем, андские корни этих практик не играют существенной роли: точно так же церковь осуждала местные обычаи в совершенно другие эпохи и в других регионах. Истоком этого осуждения был текст Второзакония, где говорится, что «не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это...» (Втор. 18: 10–12). Впоследствии данная точка зрения переключалась в труды христианских авторов: Тертуллиана (Апологетика I: 24), Климента Александрийского (Увещание к язычникам XI), Лактанция (Божественные установления II: 16) и пр. Другими словами, хронисты XVI–XVII вв. опирались на длительную и устойчивую традицию, в рамках которой гадания наделялись четкой отрицательной коннотацией. Внутри этой традиции выделим также концепт, связанный с представлениями о демонической природе гадательных практик. Например, Блас Валера пишет, что у индейцев «был пакт с Дьяволом, который им отвечал, но не через всех идолов, а посредством немногих наиболее примечательных, поскольку таким образом они почитали его еще больше» (Valera 2017: 234). Соответствующий мотив разговора с «дьяволом» в процессе гаданий встречается и у других хронистов (Ondegardo 2017: 166; Acosta 1894: 107). Все это связано с общим восприятием языческой религии как творения дьявола, подражающего божьему творению.

В качестве преамбулы к непосредственному анализу источников приведем цитату из трактата Бласа Валеры «Древние обычаи уроженцев Перу и история инков», где содержится краткий перечень почти всех основных гаданий: «Гадания, которые они совершали, были либо по полету птиц, либо по внутренностям животных, либо по жребиям, которые они бросали, либо по наблюдению за звездами и созвездиями, либо по ответам, которые давали оракулы» (Valera 2017: 234). Нетрудно заметить, что в этом списке нет ни одной практики, которая не была бы известна за пределами Анд, при этом о какой-либо местной специфике здесь не говорится. Отметим также, что гадание по полетам птиц больше нигде не упоминается (по крайней мере, нам такие упоминания неизвестны). Не исключено, что Блас Валера написал о них с целью сблизить инкское мировоззрение с античным и придать ему посредством этого более «цивилизованный» характер, что отличает этого хрониста.

Исходя из источников мы можем назвать основные виды андских гаданий: по жребию — клеромантия, по внутренностям животных — гаруспиции, толкование снов — онейромантия, астрология, оракулы¹. Рассмотрим каждый из этих видов более подробно.

В первую очередь следует остановиться на вопросе о целях гаданий. В источниках этот аспект периодически упоминается, и на основе этих упоминаний можно сказать, что цели гаданий в Андах не отличались от таковых в любой другой части света: желание знать, как избежать опасностей, будет ли хорошим урожай, стоит ли начинать войну и т. п. Например, хронист Мартин де Муруа сообщает следующие поводы для гаданий: сев и сбор маиса, путешествие, постройка дома, брак и развод

¹ Возможны и другие варианты классификации. Так, М. П. Мекони выделяет следующие типы гаданий: оракулы, собственно гадательные практики (с помощью маиса, коки, пауков, морских свинок), некромантию и онейромантию (Meconi 1999: 134–137).

(Murúa 2001: 424); похожие списки приводят Бернабе Кобо и Поло де Ондегардо (Cobo 1893: 135; Ondegardo 2017: 156). Хронисты упоминают сугубо повседневные заботы, однако в целом масштаб повода зависел от того, шла речь о предсказании в личных или государственных целях. Например, Кобо так описывает обращение правителя Кито к своим божествам по вопросу о том, следует ли ему оказывать сопротивление инкам: «Сеньор Кито ... принес привычные молитвы и жертвы своим богам, прося их сказать, что следует сделать для всеобщего блага. Идолы ответили, что им не следует бояться власти Инки, а бороться и противиться ему, защищая свою родину; боги будут их поддерживать и помогать, чтобы те не проиграли» (Cobo 1892: 169). К сожалению, подробности гадания не приводятся, но очевидно, что здесь речь идет об оракуле. Еще одна важная функция гаданий — выяснить, какие жертвы будут наиболее угодны тому или иному божеству в конкретных случаях (Cobo 1893: 136; Acosta 1894: 70). При этом работал и принцип от обратного: сами гадания (и вообще колдовские практики) очень часто сопровождалась «большими или малыми» жертвоприношениями (Ondegardo 2017: 164).

Можно предположить, что одним из самых распространенных видов андских гаданий была клеромантия. Она не требует ни особых знаний, ни затрат, ни специфического оборудования. Муруа и Ондегардо сообщают, что для бросания жребия и, следовательно, гадания использовались в первую очередь небольшие камни и зерна маиса (Муруа же пишет о том, что это гадание по-прежнему распространено среди индейцев, хотя и практикуется втайне) (Murúa 2001: 423–424; Ondegardo 2017: 167; Acosta 1894: 107). Последние активно использовались в тех же целях и в Месоамерике (González Torres 2014: 214–215), где маис тоже был важнейшей сельскохозяйственной культурой. Молина к этому списку добавляет и помет лам: «Существовали другие колдуны, которые бросали жребий с помощью маиса и помета лам; они давали ответы в зависимости от того, выпадал ли чет или нечет, говоря то, что от них хотели услышать» (Molina 2010: 45). Более редкие случаи — использование с этой целью фасолы (Cobo 1893: 134), пауков, змей и раковин (Ondegardo 2017: 168–169), а также соломинок (Duviols 2003: 242, 359, 412, 498). Бернабе Кобо также сообщает, что клеромантия практиковалась не только в частных, но и в общественных целях: «Хотя всем было разрешено бросать жребий в личных целях, лишь назначенные касиками как официальными лицами и проживавшие в этой местности бросали жребий от лица общины» (Cobo 1893: 134).

Существуют многочисленные свидетельства того, что клеромантия продолжала активно практиковаться и после конкисты: хранение зерен маиса и небольших камней неоднократно фигурирует в числе прочих противоправных действий в процессах по искоренению идолопоклонства (AAL. Leg. 10, ex. 14: 3; AAL. Leg. 7, ex. 7: 3; AAL. Leg. 1, ex. 1: 2f; Duviols 2003: 709, 723, 776), хотя назначение этих предметов в процессах практически никогда не указывается, но бывают и исключения, когда прямо говорится о бросании жребия (Duviols 2003: 242, 278, 359). Логично предположить, что в большинстве случаев это были именно средства для гадания. Это еще раз подтверждает, что церковь рассматривала гадательные практики в числе прочих «идолопоклонств», которые было необходимо искоренить.

К общераспространенным способам гадания, имевшим хождение в Андах и не названных выше, можно причислить онейромантию. Соответствующие упоминания есть в источниках, посвященных инкам. Так, у Бернабе Кобо сообщается, что тради-

ция женить наследника престола на родной сестре была введена Пачакутеком после соответствующего вещего сна (*Cobo* 1892: 167–168). В этом случае мы имеем дело со стремлением объяснить политическое решение сакральными санкциями. Можно привести и другие примеры инкской онейромантии. Например, Поло де Ондегардо сообщает, что иногда целители именно во сне получали ответ на вопрос, как лечить того или иного больного. Кроме того, во сне было возможно непосредственное общение с божеством, что якобы произошло с Пачакутеком, которому во сне явился Виракоча (*Betanzos* 2004: 73); в некоторых версиях его видел во сне не Пачакутек, а Виракоча (*Cobo* 1892: 149). В любом случае, вещий сон связан с важнейшим событием инкской истории — войне с чанками, помощь в которой обещал Виракоча, после чего началось создание собственно инкской империи. Это же божество якобы явилось восьмому Сапа-Инке и повелело тому взять его имя (*Acosta* 1894: 203). Все это показывает распространение в Андах универсального представления о сне как об особом пограничном состоянии, в котором человек наиболее восприимчив к миру потустороннего. Как уже отмечалось в литературе, вещий сон в инкской культуре был тесно связан с потестарной сферой и мотивом избранничества (*Battcock* 2014: 100–114). К сожалению, от инкского времени до нас не дошло ничего, что можно было бы назвать сонником, единичные упоминания такого рода относятся уже к более поздней эпохе.

В источниках, посвященных колониальному периоду, онейромантия тоже фигурирует. В инструкции для священников, работавших с индейцами, сразу 13 пунктов из списка вопросов, которые рекомендуется задавать на исповеди, относятся к толкованию снов. Приведем несколько наиболее интересных: «Если во сне ты видишь солнце или луну, говоришь ли ты, что у тебя скоро умрет какой-нибудь родственник?»; «Если во сне ты видишь что-то черное, или свинью, или собаку, говоришь ли ты, что это к несчастью или к тому, что у тебя что-то случится?»; «Видя во сне человека, завернутого в покрывало, имеешь ли ты обыкновение говорить, что это знак скорой смерти?» (*Perez Bocanegra* 1631: 146–147). Этот документ издан в 1631 г., то есть мировоззрение, которое он отражает, носит уже синкретический характер. О толковании снов пишет и хронист Пома де Айяла, в его труде есть пересечения с источниками выше, в частности, относительно толкования образов солнца и луны во сне (*Пома де Айяла* 2011: 186).

Кроме того, этот автор описывает ситуацию, когда онейромантией занимались специалисты: «Другие колдуны спят и во сне беседуют с дьяволами, а те рассказывают им все, что происходит, а эти говорят то, что желают и о чем просят. Таковы колдуны сна, а с рассветом они приносят жертвы и поклоняются дьяволам» (*Пома де Айяла* 2011: 183). Пабло Хосе де Арриага тоже сообщает о специалистах такого рода, добавляя, что для толкования снов они использовали одежду тех, кто просил их о предсказании (*Arriaga* 1999: 43).

К сожалению, в документах процессов по искоренению идолопоклонства сны и их толкование фигурируют крайне редко. Можно привести лишь единичные примеры. В одном из процессов утверждается: чтобы увидеть во сне человека, желающего тебе зла, необходимо выпить настой дорстении противоядной, которая в тексте фигурирует под названием *contrahierba*. Далее у этого же фигуранта спрашивают, «были ли те сны правдивы; он сказал, что верит, будто все, что ему приснилось, было взаправду» (AAL. Leg. III, ex. 20: 1f). В другом процессе фигурирует женщина по имени Хуана, которая во сне могла общаться с другими людьми, а также предсказать, поправятся больные

или умрут (AAL. Leg. III, ex. 19: 7). В последнем случае онейромантия тесно связана с практикой целительства, но это не уникальный случай, поскольку и во многих других случаях можно наблюдать тесное взаимопроникновение различных практик и представлений. Еще в одном процессе фигурирует умение предсказывать по снам судьбу потерянных или украденных вещей, причем происходит это посредством общения с умершими (AAL. Leg VII, ex. 14: 42f), при этом важным компонентом таких предсказаний были жертвоприношения горам (AAL. Leg VII, ex. 14: 3f), которые были тесно связаны с почитанием предков. Столь же единичны упоминания толкования снов в документах из Римского архива ордена иезуитов (*Meconi* 1999: 388, 433).

На наш взгляд, низкая частотность упоминаний онейромантии свидетельствует не о малом распространении таких практик, а об особенностях их функционирования: в отличие от жертвоприношений, поклонения уакам и т. п. толкование снов нематериально, и обнаружить свидетельства его существования намного сложнее, а чисто физически и вовсе невозможно, поскольку никаких специфических инструментов при этом не использовалось. При искоренении же идолопоклонств Церковь имела дело прежде всего с материальными свидетельствами нехристианских культов, которые и являлись главными уликами на процессах. Таким образом, у нас никаких причин сомневаться, что сама по себе практика толкования снов была распространена и до конкисты, и после нее.

Об инкских гаруспициях сообщают несколько хронистов. Помимо Бласа Валеры об этом также писал Поло де Ондегардо, но, к сожалению, хронисты не уточняют технологию гадания и то, какие конкретно животные использовались (*Ondegardo* 2017: 156). Более подробно рассказывает об этом способе гадания Кристоаль де Молина, который уточняет, что в этом случае использовались внутренности птиц и лам. Он же сообщает, что жир лам вместе с кокой бросали в огонь и таким образом предсказывали будущее (*Molina* 2010: 44–45). К сожалению, из текста оригинальной рукописи не вполне ясно, какова была технология гадания, но общий контекст подсказывает, что речь идет о внутренностях. Съеса де Леон сообщает следующее об инкских гаруспициях: «Они имели обыкновение разбрызгивать в своих жертвоприношениях кровь лам и их детенышей¹, заживо сдирая с них кожу и не перерезая им горло, и затем с большой точностью они извлекали сердце и поджигали его, чтобы увидеть в нем знаки и колдовство» (*Cieza de León* 2005: 219). Кобо в соответствующем контексте пишет о легких птиц и лам, добавляя, что гадание производилось также с помощью сжигания животного жира и листьев коки (*Cobo* 1893: 135). Существуют сведения о гаданиях по внутренностям морских свинок в документах по искоренению идолопоклонств (*Duviols* 2003: 113, 728). Показательно, что упоминаний лам в этом контексте нет: видимо, такой способ гадания считался уже слишком затратным, поскольку лама была куда более ценным ресурсом, чем морская свинка. Как видно из вышеизложенного, гаруспиции, пожалуй, в большей степени, чем другие виды гаданий, были привязаны к жертвоприношениям, что обусловлено самой природой этого способа предсказания.

Об инкской и раннеколониальной астрологии, к сожалению, сохранилось мало сведений. Учитывая, что астрономия была важным компонентом государственного культа (почитание солнца, луны, звезд и т. д.), можно допустить, что и астрология

¹ Хронист пишет дословно об «овцах и ягнятах» (*ovejas y corderos*) — так испанцы часто обозначали представителей южноамериканских камелид, в особенности лам.

находилась в ведении официального жречества. До нас дошли сообщения о том, что особые жрецы могли предсказывать будущее по тому, как и куда ударял гром (*Molina* 2010: 45); Ондегардо, Муруа и Кобо также сообщают, что гром может преподносить колдунам инструменты для гадания (*Ondegardo* 2017: 168; *Murúa* 2001: 423; *Cobo* 1893: 134). Существовала и практика предсказаний по кометам, которая была тесно связана с жертвоприношениями (*Cieza de León* 2005: 219). Солнечные и лунные затмения считались дурными предзнаменованиями (что само по себе универсальный мотив), которые старались нейтрализовать с помощью специальных ритуалов. Негативной коннотацией наделялась и радуга, которую некоторые индейцы считали признаком скорой смерти (*Cobo* 1893: 425–426; *Álvarez* 1998: 84), но, скорее всего, ее образ имел амбивалентный характер (на это может указывать тот факт, что в некоторых доинкских культурах побережья радуга была объектом почитания). При этом в Месоамерике также фиксируется представление о радуге как о чем-то опасном (*Калюта* 2025: 175).

Особое место в системе андских гадательных практик занимает предсказание будущего с помощью оракулов. Само это понятие обладает комплексной природой и сочетает в себе представление не только о божестве, дающем ответы, но и об особом месте (*Curatola Petrocchi* 2013: 727–729); в целом же в литературе выделяется целый ряд признаков, на основании которых можно говорить о наличии оракула (*Sobczyk* 2022: 288–290). Хотя само это слово в источниках по Андам фигурирует не везде, сохранившиеся описания соответствующих религиозных практик позволяют прийти к выводу о существовании в регионе самого явления (*Curatola Petrocchi* 2013: 743–744). Более того, оно имело очень широкое распространение: можно утверждать, что каждая община располагала собственным оракулом (*Curatola Petrocchi* 2001: 230).

Рис. 1. Вид на вулкан Коропуна со стороны святилища Маукайякта. 2023 г., департамент Арекипа, Перу. Фото автора

Большинство описаний оракулов инкского времени происходят из контекста государственного культа. Здесь, как и во многих других случаях, инки инкорпорировали существующие до них практики в свою собственную религиозную систему с целью более эффективного контроля над покоренными землями. У Бартоломе Альвареса есть интересное наблюдение: если уака отвечала, то инки велели почитать ее еще больше, если же не отвечала, то они не велели ей поклоняться (*Álvarez* 1998: 74). Известны и другие случаи «наказания» или даже уничтожения уак за отсутствие ожидаемого предсказания (*Curatola Petrocchi* 2008: 37–39). Налицо

классический принцип *do ut des*, согласно которому в ответ на почитание от божества ожидали выполнения определенных действий. При этом инки и их подданные в большинстве своем искренне верили в оракулов и предоставляли им определенную степень политической автономии (*Gose* 1996: 14). То же самое относится и к гаданиям вообще: как утверждают некоторые хронисты, если колдуны или гадатели предсказывали, что какой-то больной должен умереть, индейцы без колебаний могли убить и собственного ребенка (*Ondegardo* 2017: 158; *Acosta* 1894: 99).

Перечень основных оракулов у хронистов разнится. Например, Блас Валера перечисляет Муйипаму в Кито, Пакасмайю в Трухильо, Римака, Пачакамак, Титикаку (другими словами, храм в окрестностях этого озера) (Valera 2017: 234). Педро де Съеса де Леон называет Гуанакаури, Вильканоту, Анкоагуа, Коропуну (вернее, святилище Маукайякта, расположенное с видом на этот вулкан) (Рис. 1), Апуримак, Пачакамак (Cieza de León 2005: 362–365). Из числа не названных здесь следует также добавить Пунчао, Париакаку и Катекиль (Curatola Petrocchi 2001: 230–237). Особое место среди них занимал оракул Па-

Рис. 2. Храм Солнца в Пачакамаке.
2014 г., департамент Лима, Перу.
Фото автора

чакамака, который, как и весь этот религиозный центр, имел общеандское значение и восходил к очень давним временам (Lumbreras Salcedo 2017: 160) (Рис. 2). Важную роль играл также оракул в Апуримаке, красочное и подробное описание которого есть у Педро Писарро (Pizarro 2013: 86–87), ценное тем, что передает воспоминания непосредственного наблюдателя этого обряда. С оракулами общеандского значения тесно связан вопрос паломничеств (Rostworowski 2003: 99–100; Rostworowski 2019: 40–41), поскольку речь идет о значительных расстояниях, которые желающие узнать свое будущее были вынуждены преодолевать. И в Пачакамаке, и в Апуримаке в роли оракулов выступали рукотворные изображения божеств, или «идолы», как их называли испанцы. Однако теоретически любая уака могла иметь функции оракула, а они, как известно, были чрезвычайно разнообразны по форме и содержанию.

В источниках далеко не всегда указывается, в какой именно форме воплощался оракул (часто эти описания очень размыты, например, «идол из камня» (AAL. Leg XI, ex. 7: 5f), но помимо «идолов» есть упоминания гор (Cieza de León 2005: 362; Cobo 1893: 142), скал (Cieza de León 2005: 201) и даже стволов деревьев (Cieza de León 2005: 238). Вообще можно утверждать, что одной из главных функций уаки была способность «говорить» со своими почитателями (Ziółkowski 2008: 124; Curatola Petrocchi 2016: 278–285). Как бы то ни было, каждый из крупных центров оракулов располагал обширным штатом жрецов, которые выступали посредниками между божествами и просителями, при этом боги отвечали, если верить хронисту, «хриплыми и опасливыми голосами» (Cieza de León 2005: 224).

Однако такой формат был не единственным. Часто в качестве оракулов выступали мумии предков, причем эта практика могла носить как общегосударственный, так и локальный характер. Видимо, этот обычай был следствием важности предков в андском мировоззрении, веры в то, что они могут оказывать непосредственное воздействие на жизнь своих здравствующих потомков. В этом случае предки были не только советниками для своих потомков, но и активными и заметными участниками праздников и ритуалов, которые определяли общинную идентичность (Spalding 2008: 282).

В качестве иллюстрации государственного оракула — предка можно привести сообщение Писарро, где он рассказывает о своем опыте участия в процессе запрашивания ответа у инкской мумии во время первого посещения Куско: «... Меня привели к мумии, которая находилась на носилках. Индеец-представитель, который

говорил за мумию, сидел с одной стороны от умершего, а индианка — с другой. Итак, когда мы прибыли и предстали перед мумией, переводчик передал сообщение. Помолчав какое-то время, индеец посмотрел на индианку (как я понимаю, для того, чтобы узнать ее мнение), затем мне ответили оба, говоря, что их почивший сеньор говорит, чтобы было так...» (Pizarro 2013: 64–65). К сожалению, неизвестно, чья именно мумия здесь упоминается. На локальном уровне, опять же, имеются сведения об использовании мумий предков в качестве оракулов в рамках процессов по искоренению идолопоклонств.

Упоминания оракула есть и у Пома: «Эти означенные главные жрецы ... совершали ритуалы, используя лам, морских свинок и человеческое мясо — все то, что давали им Инки. Они брали сожженные жир и кровь, и выдували их на идолов уак, принуждая говорить уаки и дьяволов, прятавшихся в них» (Пома де Айяла 2011: 182). Очевидно, он описывает практику воззвания к оракулам, которая могла осуществляться не только в рамках государственного культа, но и на уровне местных общин.

Помимо широко распространенных способов гадания, упоминаемых неоднократно и в разных источниках, существовали и те, которые, видимо, практиковались намного реже, поскольку упоминания о них единичны. Например, Кобо и Молина пишут об интересном способе гадания, который по сути своей является спиритическим сеансом, то есть вызовом души умершего с целью расспросить ее. По сообщению Молины, этот способ практиковали уроженцы Уаро, области недалеко от Куско, Кобо же не уточняет область его распространения. Вот что пишет Молина: «Они брали несколько дул, верхняя половина которых была из меди, а нижняя — из серебра, длиной в аркебуз среднего размера, и несколько жаровен, где они зажигали огонь с помощью угля, который они раздували через дула. В этом огне демоны давали свои ответы, говоря, что это душа того мужчины или женщины, кого спрашивали» (Molina 2010: 46). Любопытно использование дула из двух металлов, которые ясно указывают на дуалистическую символику. Здесь не упоминаются жрецы, то есть толкователи ответов, однако их существование в данном случае можно предположить.

Еще один подобный случай — гадания с помощью воды. Нужно сразу оговориться, что соответствующие упоминания в источниках довольно спорны, и их отнесение к данной категории гаданий является предположением. В частности, Акоста сообщает, что индейцы «гадали, заглядывая в миски и водяные кольца» (*adivinaban mirando en lebrillos y cercos de agua*) (Acosta 1894: 107). Вероятно, в этом случае будущее предсказывали по характеру колец, которые появляются на воде при бросании в нее какого-либо предмета. Приведем также интересное упоминание из документов процессов по искоренению идолопоклонств, где одну индианку обвиняют, помимо всего прочего, в том, что она «стенает на воду, огонь и солому» (*llora al agua a la candela y a la paja*) (AAL. Leg. III, ex. 1: 2). Поскольку и костры, и солома неоднократно упоминаются в контексте гаданий, можно предположить, что и здесь имеется в виду именно это, но, к сожалению, подробностями мы не располагаем. Приведем еще одну цитату с упоминанием необычного гадания: «В других случаях он гадал по тикам в руке: если у него пульсировало в правой руке, было похоже, что то, что у него спрашивали, было правдой, если же не пульсировало, то нет. При этом он верил, что таким образом с ним говорят его предки, и предлагал жертвоприношения горам» (AAL. Leg VII, ex. 14: 43).

Можно ли проследить эволюцию андских гаданий от инкского к колониальному времени? Разумеется, тот факт, что подобные практики перешли в разряд порица-

емых, не могло на них не сказаться. В целом можно сказать, что гадания разделили судьбу большинства местных религиозных практик: они значительно урезались как по масштабу, так и по форме. Ушел в прошлое сложный церемониал, сопровождавший «официальные» гадания, в частности, общение с оракулами, упростились сопутствующие церемонии (жертвоприношения). Показательно, что в гаруспициях колониального времени фигурируют уже не ламы, а морские свинки: видимо, это связано с их большей дешевизной и доступностью. Все это касается гаданий в рамках государственной религии, на низовом же уровне, судя по всему, эти изменения были минимальными. При этом подобные практики носили не маргинальный, как это часто представлялось, а интегральный характер (Mills 1997: 104-105), являясь значимой частью местного религиозного и социального климата.

Как видно из вышеизложенного, основные андские гадательные практики весьма схожи с теми, что известны по культурам Старого Света. Однако в качестве несомненного отличия можно привести следующий факт: похоже, что в Андах рассматриваемого периода отсутствовал такой распространенный во многих других культурах способ гадания, как некромантия, то есть гадание с использованием частей трупов. По крайней мере, источники не говорят однозначно в пользу ее существования: единственное известное нам упоминание такого рода есть у Пома, который сообщает, что вор или убийца использовал кукурузную муку вместе с пеплом костей умерших, чтобы скрыться от правосудия (Пома де Айяла 2011: 179). Однако это не некромантия в собственном смысле слова, и единичность такого упоминания не свидетельствует в пользу его широкого распространения. Еще один неоднократно повторяемый мотив — это представление о том, что мертвые могут предоставлять колдунам предметы для гаданий (Ondegardo 2017: 168; Murúa 2001: 423; Cobo 1893: 134). Но такой мотив тоже не имеет к некромантии прямого отношения.

Как бы то ни было, кажется маловероятным, чтобы церковь при наличии соответствующего повода не использовала бы факт некромантии как еще одно обвинение против местной религии. Вероятно, причина отсутствия некромантии заключается в андском гипертрофированном культе предков, который не сочетался с соответствующими практиками. Этот культ, очевидно, обусловил также широкое бытование мумий в функции оракулов — еще одна специфически андская форма гаданий, обусловленная местными особенностями.

В завершение отметим несколько моментов. Во-первых, еще раз подчеркнем, что все андские гадательные практики имели как «государственное», так и «локальное» измерение, но очевидно, что некоторые виды гаданий более тяготели к одному из этих полюсов. Это, несомненно, относится к гаруспициям, а также, вероятно, к астрологии. Эти практики требовали соответствующих затрат, оборудования и специальных знаний (это особенно актуально для астрологии, которая была тесно связана с астрономией), поэтому они известны в большей степени из источников по инкскому официальному культу. В свою очередь клеромантия, онейромантия и оракулы, хотя и практиковались на государственном уровне, легко применялись и в рамках «народной» религии, продолжая активно существовать и в раннеколониальную эпоху, когда инкская государственная религия прекратила свое существование.

Во-вторых, еще раз укажем на тесную связь андских гаданий с жертвоприношениями и культом уак, то есть двумя важнейшими столпами местного мировоззрения. Практически каждый акт гадания сопровождался жертвоприношением, а каждая

значимая уака могла выступать в роли оракула. Таким образом, мы можем наблюдать своеобразный континуум верований и практик, которых трудно отделить друг от друга и которые должны рассматриваться в совокупности.

Источники и материалы

- Апологетика — *Тертуллиан Квинт С. Ф.* Апологетика. К Скапуле. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. 256 с.
- Божественные установления — *Лактанций Целий Л. Ф.* Божественные установления. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. 514 с.
- Втор. 18 — Ветхий Завет. Бытие. [Электронный ресурс]. <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.1&r> (дата обращения: 26.06.2025).
- Пома де Айяла* 2011 — *Гуаман Пома де Айяла Ф.* Первая новая хроника и доброе правление. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 292 с.
- Увещевание к язычникам — *Климент Александрийский.* Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасется. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. 288 с.
- AAL. Leg I, ex. 1 — Archivo arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg I, ex. 1. Lima. De oficio de la justicia eclesiástica contra don Fernando Quispe Lloclla por hechicero. 12 f.
- AAL. Leg VII, ex. 7 — Archivo arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg VII, ex. 7. 1670. Lima. Causa contra india Isabel Guanca por usar de ceremonias supersticiosas. 7 f.
- AAL. Leg 10, ex. 4 — Archivo arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg 10, ex. 4. 1697. Lima. Causa seguida contra don Alonso Curgua Capcha, por hacer prácticas de hechicería. 3 f.
- AAL. Leg III, ex. 19 — Archivo arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg III, ex. 19. 1660. Omas. Declaración de Pedro Villanga, indio del pueblo de San Pedro de Pilas, y causa de Juana Conga, india del pueblo del señor San Pedro de Pilas, anejo de Omas, del aúllo Tamara. 12 f.
- AAL. Leg III, ex. 20 — Archivo arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg III, ex. 20. 1660. Omas. Declaración de Juana Ayco, del pueblo de el señor San Pedro de Pilas, anejo de Omas, del aúllo Guacua. 3 f.
- AAL. Leg III, ex. 1. 1650 — Archivo arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg III, ex. 1. 1650. Jauli. Causa criminal contra una india llamada Juana Ycho, viuda, de hechizos y pactos expresos con un demonio llamado Apo Parato. 31 f.
- AAL. Leg VII, ex. 14 — Archivo arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg VII, ex. 14. 1677. Checras. Causa criminal cerca de la idolatría en que cooperaron algunos indios del pueblo de Santiago de Maray repartimiento de Checras, corregimiento de Chancay. 72 p.
- AAL. Leg XI, ex. 7 — Archivo arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg XI, ex. 7. 1724. Checras. Autos criminales contra Pedro de la Cruz, indio, y Francisco Bartolome, su nieto, por delitos de idolatría, supersticiones y vanos observantes, que de oficio sigue el prometer fiscal de este Arzobispado. 47 f.
- Acosta* 1894 — *Acosta J. de.* Historia natural y moral de las Indias. T.II. Madrid: Ramón Anglés, 1894. 392 p.
- Álvarez* 1998 — *Álvarez B.* De las costumbres y conversión de los indios del Perú. Madrid: Ediciones Polifemo, 1998. 462 p.
- Arriaga* 1999 — *Arriaga P. J. de.* La extirpación de la idolatría en el Perú. Cuzco: CBC, 1999. 336 p.
- Betanzos* 2004 — *Betanzos J. de.* Suma y narración de los incas. Madrid: Polifemo, 2004. 405 p.
- Cieza de León* 2005 — *Cieza de León P. de.* Señorío de los incas. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 2005. 497 p.
- Cobo* 1892 — *Cobo B.* Historia del Nuevo Mundo. T.3. Sevilla: Imp. De E. Rasco, 1892. 350 p.
- Cobo* 1893 — *Cobo B.* Historia del Nuevo Mundo. T.4. Sevilla: Imp. De E. Rasco, 1893. 245 p.
- Duviols* 2003 — *Duviols P.* Procesos y visitas de idolatrías. Cajatambo, siglo XVII. Lima: Instituto Francés de Estudios Andinos, 2003. 882 p.
- Meconi* 1999 — *Meconi M. P.* La Cosmovisión Religiosa Andina en los Documentos Inéditos del Archivo Romano de la Compañía de Jesús (1581-1752). Lima: PUCP, 1999. 627 p.

- Molina* 2010 — *Molina C. de*. Relación del los fábulas y ritos de los incas. Madrid: Vervuert, Iberoamericana, 2010. 326 p.
- Muriá* 2001 — *Muriá M.de*. Historia general del Perú. Madrid: Dastin, 2001. 571 p.
- Ondegardo* 2017 — *Ondegardo P. de*. Los errores y supersticiones de los indios, sacadas del tratado y averiguación que hizo el licenciado Polo de Ondegardo // Crónicas tempranas del siglo XVI. Tomo II. El patrimonio hegemónico de la escritura: Descripciones historiográficas del Cusco (1542–1590). Cusco: Dirección Desconcentrada de Cultura de Cusco, Ministerio de Cultura, 2017. P. 151–177.
- Perez Bocanegra* 1631 — *Perez Bocanegra I*. Formulario e institución de curas, para administrar a los naturales de este reino. Lima: Impreso por Geronimo de Contreras, 1631. 720 p.
- Pizarro* 2013 — *Pizarro P*. Relación del descubrimiento y conquista de los reinos del Perú. Lima: Fondo de cultura económica, 2013. 236 p.
- Valera* 2017 — *Valera B*. Las costumbres antiguas del Perú // Crónicas tempranas del siglo XVI. Tomo II. El patrimonio hegemónico de la escritura: Descripciones historiográficas del Cusco (1542–1590). Cusco: Dirección Desconcentrada de Cultura de Cusco, Ministerio de Cultura, 2017. P. 215–283.

Научная литература

- Калюта А. В.* Мифы и предания ацтеков от древности до современности. СПб.: Наука, 2025. 223 с.
- Новосёлова Е. В.* Фонды Архиепископского архива г. Лимы как источник по искоренению идолопоклонства // История и антропология Америки в зеркале российской науки / отв. ред., сост. Р. Н. Игнатьев, В. В. Федюшин. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 87–98.
- Astuhuamán Gonzáles C. W.* Los otros Pariacaca: oráculos, montañas y parentelas sagradas // Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo / Ed. por M. Curatola Petrocchi y M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP, 2008. P. 97–119.
- Battcock C.* Tezozomoc y Viracocha Inca: el sueño como escena de escritura y legitimación del poder // Por la mano del hombre. Prácticas y creencias sobre chamanismo y curandería en México y el Perú / Ed. por S. Limón Olveray y L. Millones. Lima: Asamblea Nacional de Rectores, 2014. P. 97–124.
- Brosseder C.* The power of huacas. Change and Resistance in the Andean World of Colonial Peru. Austin: University of Texas Press, 2014. 456 p.
- Curatola Petrocchi M.* Adivinación, oráculos y la civilización andina // Los dioses del antiguo Perú. T2 / Ed. por K. Makowski. Lima: Banco del crédito del Perú, 2001. P. 223–245.
- Curatola Petrocchi M.* ¿Fueron Pachacamac y los otros grandes santuarios del mundo andino verdaderos oráculos? Una aproximación comparativa // Los rostros de la tierra encantada: religión, evangelización y sincretismo en el Nuevo Mundo. Homenaje a Manuel Marzal, S. J. / Ed. por J. Sánchez Paredes y M. Curatola Petrocchi. Lima: PUCP, IFEA, 2013. P. 725–748.
- Curatola Petrocchi M.* La voz de la huaca. Acerca de la naturaleza oracular y trasfondo aural de la religión andina antigua // El inca y la huaca. La religión del poder y el poder de la religión en el mundo andino antiguo / Ed. por M. Curatola Petrocchi y J. Szeminsku. Lima: PUCP, 2016. P. 259–316.
- Curatola Petrocchi M.* La función de los oráculos en el Imperio inca // Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo / Ed. por M. Curatola Petrocchi y M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP, 2008. P. 15–69.
- González Torres Y.* La adivinación por medio del maíz // Estudios de cultura náhuatl. 2014. № 48. P. 213–233.
- Gose P.* Oracles, Divine Kingship, and Political Representation in the Inka State // Ethnohistory. 1996. Vol. 43. No. 1. P. 1–32.
- Huertas Vallejos L.* La religión en una sociedad rural andina, XVII siglo. Ayacucho: Universidad Nacional de San Cristóbal de Huamanga, 1981. 159 p.
- Lambert J.-L., Olivier G.* Introducción // Adivinar para actuar. Miradas comparativas sobre prácticas adivinatorias antiguas y contemporáneas / Ed. Por J.-L. Lambert y Olivier G. México: UNAM, 2019. P. 7–29.

- Lumbreras Salcedo L. G.* Pachacamac, el ídolo // Pachacamac. El oráculo en el Horizonte marino del sol poniente. Lima: BCP, 2017. P. 149–165.
- Mills K.* Idolatry and its enemies. Colonial Andean religion and extirpation, 1640–1750. New Jersey: Princeton University Press, 1997. 337 p.
- Rostworowski M.* Pachacamac y el señor de los milagros: una trayectoria milenaria. Lima: IEO, 2019. 375 p.
- Rostworowski M.* Peregrinaciones y procesiones rituales en los Andes // Journal de la Société des américanistes. 2003. №89–2. P. 97–123.
- Sobczyk M.* Apu Coropuna. Entornos arqueológicos en un oráculo andino: Maucallacta. Arequipa: Universidad Católica de Santa María, 2022. 352 p.
- Topic J. R., Lange Topic T., Melly Cava A.* Catequil. Arqueología, etnohistoria y etnografía de la huaca principal de Huamachuco / En la tierra del oráculo de Catequil. Arqueología de Huamachuco antiguo / Ed. por J. R. Topic y T. Topic. Lima: PUCP, 2020. P. 225–263.
- Topic J. R.* El santuario de Catequil: estructura y agencia. Hacia una comprensión de los oráculos andinos // Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo / Ed. por M. Curatola Petrocchi y M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP, 2008. P. 71–95.
- Spalding K.* Consultando a los ancestros // Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo. Ed. por M. Curatola Petrocchi y M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP, 2008. P. 273–292.
- Ziolkowski M. S.* Coropuna y Solimana: los oráculos de Condesuyos // Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo / Ed. por M. Curatola Petrocchi y M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP, 2008. P. 121–159.

References

- Astuhumán Gonzáles, C. W. 2008. Los otros Pariacaca: oráculos, montañas y parentelas sagradas [The Other Pariacaca: Oracles, Mountains and Sacred Kinships]. In *Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo* [Divination and Oracles in the Ancient Andean World], ed. by M. Curatola Petrocchi and M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP. 97–119.
- Batcock, C. 2014. Tezozomoc y Viracocha Inca: el sueño como escena de escritura y legitimación del poder [Tezozomoc and Viracocha Inca: the Dream as a Scene of Writing and Legitimization of Power]. In *Por la mano del hombre. Prácticas y creencias sobre chamanismo y curandería en México y el Perú* [By the Hand of Man. Practices and Beliefs about Shamanism and Healing in Mexico and Peru], ed. by S. Limón Olveray and L. Millones. Lima: Asamblea Nacional de Rectores. 97–124.
- Brosseder, C. 2014. *The Power of Huacas. Change and Resistance in the Andean World of Colonial Peru*. Austin: University of Texas Press. 456 p.
- Curatola Petrocchi, M. 2001. Adivinación, oráculos y la civilización andina [Divination, Oracles and the Andean Civilization]. In *Los dioses del antiguo Perú* [The Gods of Ancient Peru], ed. by K. Makowski. Vol. 2. Lima: Banco del crédito del Perú. 223–245.
- Curatola Petrocchi, M. 2008. La función de los oráculos en el Imperio inca [The Function of the Oracles in the Inca Empire]. In *Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo* [Divination and Oracles in the Ancient Andean World], ed. by M. Curatola Petrocchi and M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP. 15–69.
- Curatola Petrocchi, M. 2013. ¿Fueron Pachacamac y los otros grandes santuarios del mundo andino verdaderos oráculos? Una aproximación comparativa [Were Pachacamac and the Other Great Sanctuaries of the Andean World True Oracles? A Comparative Approach]. In *Los rostros de la tierra encantada: religión, evangelización y sincretismo en el Nuevo Mundo. Homenaje a Manuel Marzal, S. J.* [The Faces of the Enchanted Land: Religion, Evangelization and Syncretism in the New World. Tribute to Manuel Marzal, S. J.], ed. by J. Sánchez Paredes and M. Curatola Petrocchi. Lima: PUCP, IFEA. 725–748.
- Curatola Petrocchi, M. 2016. La voz de la huaca. Acerca de la naturaleza oracular y trasfondo aural de la religión andina antigua [The Voice of the Huaca. On the Oracular Nature and Aural Background of Ancient Andean Religion]. In *El inca y la huaca. La religión del poder y el poder de*

- la religión en el mundo andino antiguo* [The Inca and the Huaca. The Religion of Power and the Power of Religion in the Ancient Andean World], ed. by M. Curatola Petrocchi and J. Szeminski. Lima: PUCP. 259–316.
- González Torres, Y. 2014. La adivinación por medio del maíz [Divination by Means of Maize]. *Estudios de cultura náhuatl* 48: 213–233.
- Gose, P. 1996. Oracles, Divine Kingship, and Political Representation in the Inka State. *Ethnohistory* 43(1): 1–32.
- Huertas, Vallejos L. 1981. *La religión en una sociedad rural andina, XVII siglo* [Religion in a Rural Andean Society, 17th Century]. Ayacucho: Universidad Nacional de San Cristóbal de Huamanga. 159 p.
- Kalyuta, A. V. 2025. *Mify i predaniia atstekov ot drevnosti do sovremennosti* [Myths and Legends of the Aztecs from Ancient to Modern Times]. Saint Petersburg: Nauka. 223 p.
- Lambert, J.-L., and G. Olivier. 2019. Introducción [Introduction]. In *Adivinar para actuar. Miradas comparativas sobre prácticas adivinatorias antiguas y contemporáneas* [Divining to Act. Comparative Perspectives on Ancient and Contemporary Divinatory Practices], ed. by J. L. Lambert and G. Olivier. México: UNAM. 7–29.
- Lumbreras Salcedo, L. G. 2017. Pachacamac, el ídolo [Pachacamac, the Idol]. In *Pachacamac. El oráculo en el Horizonte marino del sol poniente* [Pachacamac. The Oracle on the Marine Horizon of the Setting Sun], ed. by D. Pozzi-Escot. Lima: BCP. 149–165.
- Mills, K. 1997. *Idolatry and its Enemies. Colonial Andean Religion and Extirpation, 1640–1750*. New Jersey: Princeton University Press. 337 p.
- Novoselova, E. V. 2023. Fondy Arkhiepiskopskogo arkhiva g. Limy kak istochnik po iskoreniiu idolopoklonstva [The Funds of the Archbishop's Archive of Lima as a Source on the Eradication of Idolatry]. In *Istoriia i antropologii Ameriki v zerkale rossiiskoi nauki* [History and Anthropology of America in the Mirror of Russian Science], ed. by R. N. Ignatiev and V. V. Fediushin. Moscow: IEA RAN. 87–98.
- Rostworowski, M. 2003. Peregrinaciones y procesiones rituales en los Andes [Pilgrimages and Ritual Processions in the Andes]. *Journal de la Société des américanistes* 89(2): 97–123.
- Rostworowski, M. 2019. *Pachacamac y el señor de los milagros: una trayectoria milenaria* [Pachacamac and the Lord of Miracles: A Millenary Trajectory]. Lima: IEO. 375 p.
- Sobczyk, M. 2022. *Apu Coropuna. Entornos arqueológicos en un oráculo andino: Maucallacta* [Apu Coropuna. Archaeological Environments in an Andean Oracle: Maucallacta]. Arequipa: Universidad Católica de Santa María. 352 p.
- Spalding, K. 2008. Consultando a los ancestros [Consulting the Ancestors]. In *Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo* [Divination and Oracles in the Ancient Andean World], ed. by M. Curatola Petrocchi and M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP. 273–292.
- Topic, J. R. 2008. El santuario de Catequil: estructura y agencia. Hacia una comprensión de los oráculos andinos [The Catequil Shrine: Structure and Agency. Towards an Understanding of the Andean Oracles]. In *Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo* [Divination and Oracles in the Ancient Andean World], ed. by M. Curatola Petrocchi and M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP. 71–95.
- Topic, J. R., T. Lange Topic, and A. Melly Cava. 2020. Catequil. Arqueología, etnohistoria y etnografía de la huaca principal de Huamachuco [Catequil. Archaeology, Ethnohistory and Ethnography of the Main Huaca of Huamachuco]. In *En la tierra del oráculo de Catequil. Arqueología de Huamachuco antiguo* [In the Land of the Oracle of Catequil. Archaeology of Ancient Huamachuco], ed. by J. R. Topic and T. Topic. Lima: PUCP. 225–263.
- Ziolkowski, M. S. 2008. Coropuna y Solimana: los oráculos de Condesuyos [Coropuna and Solimana: The Oracles of Condesuyos]. In *Adivinación y oráculos en el mundo andino antiguo* [Divination and Oracles in the Ancient Andean World], ed. by M. Curatola Petrocchi and M. S. Ziolkowski. Lima: PUCP. 121–159.